

ОБИЛЕН

Заря Востока
г. Тбилиси

- 8 ИЮН 1986

ПОСТУПЬ В ИСКУССТВЕ

БАДРИ КОБАХИДЗЕ — 60 ЛЕТ

Бадри Кобахидзе принадлежал к тому поколению актеров грузинского театра, которое пришло на сценические подмостки в суровые послевоенные годы. Напряжение эпохи с настойчивой и неумолимой откровенностью рождало перед театром новые задачи. Надо было разгадать художественные пристрастия нового человека, рожденного войной, услышать его душевный настрой, сердцем откликнуться на его надежды.

Молодая творческая поросль, та, к которой принадлежал Бадри Кобахидзе, с первых же шагов входила в самую сердцевину жизни. Вхождение происходило естественно и просто, ибо это была их собственная, ни у кого не заимствованная жизнь. Она звала их к человечности и теплоте душевной, к простому задушевному разговору со зрителем.

Еще до вступления в сознательную жизнь Бадри Кобахидзе был подготовлен к ней подсознательно. Он жил и рос в мире театра, в окружении людей, которые закладывали основы советского театрального искусства Грузии. Сын Пьера Кобахидзе, известного актера театра имени Котэ Марджанишвили, Бадри выбрал себе профессию отца, пошел учиться в театральный инсти-

тут, где учителями его были Д. Алексидзе, М. Мревлишвили, В. Гамсахурдия, К. Бадридзе, В. Беридзе и многие другие, работавшие в те годы в институте, руководимом Акакием Хоравой. Окончив актерский факультет, Бадри попал, однако, не в «папин» театр, а в театр имени Руставели. Шутки по этому поводу продолжались на протяжении многих лет. Считалось, что Бадри, подобно легендарному Паате, оставлен «заложником» в стане «соперников»...

Акакий Хоравы и Акакий Васадзе отечески опекали его. Первые роли молодого актера были в спектаклях Д. Алексидзе — Балашов в пьесе М. Мревлишвили «Бараташвили», Спутник в «Первом шаге» Г. Церетели, Дурново в «Семье» Попова, Гиголи в «Пепе» Г. Сундукиана. Вхождение в профессиональную актерскую жизнь оказалось плодотворным. Театр имени Руставели навсегда стал родным домом молодого актера. Здесь, на сцене первого театра Грузии, прошел он отличную школу жизни и школу творчества.

Поколение Б. Кобахидзе вступало на театральную стезю, когда в расцвете сил находились корифеи грузинского советского театра, и утверж-

дать себя в многоголосном хоре старших было делом далеко нелегким. Но юношеский голос только что окончивших театральный вуз актеров не затерялся в этом мощном многоголосии, сразу и вполне уверенно прозвучал с театральными подмостков конца сороковых — начала пятидесятих годов.

Борьба с романтическими тенденциями в те годы еще не давала о себе знать, но уже сам приход молодых сил исподволь обозначал возможность проявления творческой несовместимости существующих принципов и тех, что «закодированы» как неизбежность, как начало обновления в недалеком будущем.

Б. Кобахидзе был одним из тех, кто находился в ряду зачинателей тех новых ростков в жизни театра имени Руставели, которые спустя десятилетие разрушат прежний стиль театра, изменят в корне его творческий лик.

Б. Кобахидзе и его друзья, коллеги, сверстники прошли этот путь исканий и борьбы с сознанием своей нужности театру, с пониманием собственной миссии в его судьбе. Интересно было следить за

их ростом, за тем, как постепенно накапливалось мастерство, отливало само понятие завершенности театральной образности.

Судьба свела Кобахидзе с разными режиссерами, у каждого из которых были свои театральные пристрастия, свое режиссерское кредо: с Д. Алексидзе с его безудержной, брызжущей через край фантазией и стремлением к сценической гиперболе, к укрупнению сущности драматургического материала, независимо от того, трагедия это или комедия; с М. Туманишвили с его изысканным, пристально-внимательным отношением к человеческой сущности, восприимчивой во всей глубинной, психологической сложности, и умением соединить ее с яркой сценической образностью; с Р. Стурца, влекомым к определению и четко очерченной графичности заданных ритмов, железной и зримой логике метафор, с ожиданием от актера уметь прожить сценическую жизнь не только вместе с образом, но и отдельно от него. Нельзя сказать, что Кобахидзе выбрал в себя все, вместе взятое. Но все это было необходимо ему для того, что-

бы обрести себя, свое место, нахождение в системе театральных дорог.

Много ролей сыграл он на своем творческом пути. От Ивана Коломийцева в «Последних» М. Горького, созданных еще на студенческой скамье, до Гиббентропа в спектакле «Судный день» лежит путь беспокойных исканий, творческих находок и озарений, путь трудный и тернистый, прожитый в преданности театру, исполненный ответственности перед ним.

Роли артиста всегда отличаются тематическое и жанровое разнообразие. Острокомедийные (Гиголи из «Пепе», маркиз де Монтефиор в «Дон Сезар де Базан», Адония из «Истории одной любви» К. Буачидзе, бухгалтер Эмокрит в пьесе И. Вакели «Деловой человек») сменялись драматическими, наделенными сложными психологическими мотивами (Вацлав Край из пьесы «Такая любовь», Пастух в «Царе Эзипе», Велимир в «Докторе философии» Нушича, Перис в «Сейлемском процессе» А. Миллера), а они, в свою очередь, существовали рядом с памфлетно-публицистическими — последние обрели

особенно заостренное выражение в рамках эпического театра (Стенли в «Ричарде III», Гиббентроп). Случалось и так: артист вносил в трактование роли неожиданные акценты, изменяя привычность, традиционность трактовки. Так было с Полонием («Гамлет»), воплощенным артистом с примесью чудаковатости, иронического отношения к образу. Но при всем разнообразии сыгранных ролей их всех объединяет одно: личность актера, его глубокая сосредоточенность на заданной драматургической ситуации. А она, ситуация, в подавляющем большинстве ограничена рамками самой роли. Кобахидзе никогда не играет героев, на плечи которых ложится основная нагрузка сценического действия, концепция происходящих событий. Роли Кобахидзе куда более скромные. Скромные, но отнюдь не менее сложные. Сложность исходит из задачи суметь за небольшим текстом показать большую жизнь образа, подать пусть даже эпизодическую роль, не как нечто вырванное из целого, а как неотъемлемую часть целого, существующего «до» и «после» роли, как умение прожить кусочки жизни героя с глубоким осознанием ее целостности, ее объемности.

Поступь в искусстве Бадри Кобахидзе складывалась не однозначно. Слагаемыми его творческой жизни стали не только многочисленные и мно-

голкие сценические создания — основа его театральной деятельности. Со временем ему становится тесно в рамках одной профессии, и он ищет и утверждает себя в педагогике сначала по классу сценической речи, а ныне — и мастерства актера в Грузинском государственном театральном институте имени Ш. Руставели, а затем снова садится на студенческую скамью, чтоб получить диплом режиссера. Здесь, на поприще режиссуры, создает он свои спектакли «Божественная комедия», «Продавец дождя», «Возвращение», «Пока арба не перевернулась», «От трех до шести» и другие. За последний ему была присвоена Государственная премия Грузинской ССР «Летопись пятилетки».

Народного артиста республики Бадри Кобахидзе неудержимо влечет общественная деятельность. Сегодня он является заместителем председателя Театрального общества Грузии, активно участвует во всех театральных начинаниях республики. И во всех этих творческих, жизненных, гражданских проявлениях артиста и человека им верховодит удивительная способность устанавливать контакты в общении с людьми, отзываться на их запросы и нужды, делить с ними радость отдачи, быть им попросту нужным.

Наверное, в этом и есть смысл жизни актера.

Этери ГУГУШВИЛИ.